
ИСТОЧНИКОВЫЙ ДЕПОЗИТАРИЙ

SOURCE DEPOSITORY

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10, вып. 4. С. 94–116.
Magistra Vitae. Electronic journal of historical sciences and archeology. 2025;10(4):94-116.

Персоналии

УДК 930:001.12

<https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-94-116>

Дневниковые записки С. Ф. Платонова (ноябрь 1879 — декабрь 1884 г.): «Я на прямой дороге». «Тетрадь любви». Часть 8

Виктор Владимирович Митрофанов

Университет при Межпарламентской ассамблее Евразийского экономического сообщества, Санкт-Петербург, Россия,
viktor-n1962@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2094-6883>

Аннотация. Содержание двух публикуемых тетрадней дневниковых записей С. Ф. Платонова, хронологически охватывает период с 10 ноября 1879 г. по 1884 г. с двумя большими перерывами, что свидетельствует об определенном охлаждении к работе с дневником. Содержание первой тетради в основном касается сведений, относящихся к собственным исканиям автора. Вторая же получила романтическое название «тетрадь любви» и повествует о выборе спутника жизни. 1884 год явился определяющим в этом отношении, и записи в полной мере рисуют картину меняющихся отношений между ним и Н. Н. Шамониной: от простого знакомства до чувства, которое привело их к объяснению и согласию на брак. Ряд записей перекликаются с лаконичным содержанием «записной книжки» — еще один интересный рукописный источник. Он дополняет уже известные письменные свидетельства о формировании мировоззрения и содержит важные факты из личной биографии автора, зафиксировал отклики на резонансные события общественной жизни.

Ключевые слова: С. Ф. Платонов, историография, дневниковые записи, записная книжка, «тетрадь любви», Н. Н. Шамонина

Для цитирования: Митрофанов В. В. Дневниковые записки С. Ф. Платонова (ноябрь 1879 — декабрь 1884 г.): «Я на прямой дороге». «Тетрадь любви». Часть 8 // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2025. Т. 10, вып. 4. С. 94–116. URL: <https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/44-magistra-vitae-4-2025.html> <https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-94-116>

Personalities

<https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-94-116>

Diary Notes by S. F. Platonov (November 1879 — December 1884): “I am on a Straight Road”, “Notebook of Love.” Part 8

Viktor V. Mitrofanov

University at the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, St. Petersburg, Russian Federation, viktor-n1962@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2094-6883>

Abstract. The two published notebooks by S. F. Platonov were recorded from November 10, 1879 to 1884, with two significant breaks, which indicates a certain disinterest in working with the diary entries. The first notebook primarily focuses on personal experiences and quests. The second notebook, affectionately referred to as the “Notebook of Love,” delves into the search for a life partner. The year of 1884 was a crucial year in this regard, and it fully depicts the changing relationship between him and N. N. Shamonina: from a simple acquaintance to a feeling that led to further declaration of love and consent to marriage. A number of entries echo the concise content of the “Notebook,” which is another interesting handwritten source. It complements the already known written evidence about his worldview formation and contains important facts from the author’s personal biography, as well as responses to significant events in public life.

Keywords: S. F. Platonov, historiography, diary entries, notebook, “Notebook of love”, N. N. Shamonina

For citation: Mitrofanov VV. Diary Notes by S. F. Platonov (November 1879 — December 1884): “I am on a Straight Road”, “Notebook of Love.” Part 8. *Magistra Vitae. Electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2025;10(4):94-116. (In Russ.). URL: <https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/44-magistra-vitae-4-2025.html> <https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-94-116>

Введение

Если предыдущая тетрадь С. Платонова была заполнена всего за два осенних месяца, то следующая писалась почти полтора года. Она хронологически продолжает прежние записи [Митрофанов, 2025 (а)]: тетрадь начинается 10 ноября после предшествующей записи 8 ноября и продолжается по 2 мая 1881 г. вечерней записью.

Открывается тетрадь лаконичными воспоминаниями автора о начале работы с дневником еще гимназистом, при этом подчеркнута, что не одна заполненная им тетрадь «сотлела в печке». И только один эпизод из той поры оставил заметный след в его жизни — это поездка в Харино и знакомство с Евгенией Николаевной Калайдович, названное «свежей струей, ворвавшейся в болото»¹. А «маркиза» или «посестрима», как он ее мило именовал, названа «редкой женщиной», и в ноябре 1879 г. он радовался получению от нее писем [Митрофанов, 2021 (а)]. Но по прошествии нескольких лет ее влияние не было уже столь глубоким, как в первые месяцы и годы их знакомства. Остальные впечатления, искания нового представляются автору с оглядкой назад уже мало значащими. С высоты 20-го года жизни С. Ф. Платонов определил новое отношение ко многим важным мировоззренческим вопросам: «теологии, политики, нравственности, науки, искусства, к окружающим меня людям». Здесь им были запечатлены самые главные направления, которые оказывают влияние на формирование личности и характера.

Мировоззренческие установки

Особенность этой части дневника состоит в том, что автор касается только своих «индивидуальных» дел, своего «Я» и не затрагивает «общественных вопросов».

Среди факторов, оказавших влияние на установившийся ритм жизни, к счастью в этот раз, ненадолго, стала болезнь отца. Сын много времени проводил возле больного, пришлось даже на некоторое время забросить занятия. Болезнь отступила на время, и Сергей восстановил прежний ритм жизни, стал бывать в кругу сверстников, **веселиться**.

¹Здесь и далее курсивом выделены цитаты из публикуемых материалов и специально не оговариваются.

В это время любимое его занятие — театр [Митрофанов, 2021(б)] — перестало быть привлекательным, больше стал манить Эрмитаж. Становится известным, чем влечет его Рафаэль, дается его лаконичная и смелая оценка. Большой интерес вызывают фламандцы и русские живописцы. В одной из записей оставлены замечательные рассуждения, что мастерство художника заключается в том, чтобы, показать сюжет полотна через «природу» красок.

Среди важных черт своего мировоззрения Платоновым названо отсутствие религиозности, интереса к политическим идеям. Его всё больше и больше увлекает наука, которая делает его более «консервативным», спасает от «многих гадостей». Впервые встречаем мысль о «профессорстве». Если об этом ему часто писала Е. Н. Калайдович, то теперь написал сам Платонов 23 марта 1881 г. А накануне, 20 марта он посылает письмо в Москву, о чем сделал запись: «Вчера послал письмо Евг[ени] Н[иколаевне] где просьбе сообщать о Моск[овских] ун[иверситетских] изв[естиях], предпослал такой скоролит [это слово придумано Платоновым, смысл которого сводится к быстрому сочинению литературного произведения (экспромт) — в данном случае стихотворения. — Примеч. авт.]:

С тех пор, к[а]к вывеску наука
Повесил я над главочкой своей
Забыл я сладость прежней скуки
И стал серьезней и глупей; в пыли архивной
нос и руки

А на губах следы чернил;
Для барынь стал я тленом, бука
И Bucherwurmiom я прослыл
Привык пред знаменем науки все интересы
я склонять

И даже... даже другу — муки науки ради причинять»².

Новым в жизни 19-летнего юноши является всё большее общение с женщинами, и на первом месте стоит переписка с Е. Н. Калайдович, возникает «потребность любить». А это романтическое чувство располагает к занятию поэзией, хотя С. Ф. Платонов ранее отказался от этого увлече-

²ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1228. Л. 112.

ния. Интересны его размышления об идеалах героя «Горе от ума» Молчалина. «Умеренность и аккуратность», по мнению автора дневника, девиз «прекрасный», но «опошленный» героем А. С. Грибоедова.

Университетские занятия характеризуются Платоновым через лекционный курс М. И. Владиславлева по психологии. С некоторой иронией профессор сравнивается им с крупным шотландским психологом Бэном.

Цареубийство и позиция С. Ф. Платонова

В 1880 г. автор обращается к дневнику всего один раз, делая лаконичную запись от 2 февраля. Перспектива ведения дневника остается неясной. И только через год и месяц С. Платонов снова вернется к своему «верному и молчаливому другу». Сподвигла его к этому трагедия государственного масштаба: 1 марта произошло цареубийство. Заговорщики С. Ф. Платоновым именуется «шайкой», а ими содеянное названо «подлостью» и «бессмысленным» актом. Государь, по мнению автора, был «любимый» народом.

Интересна запись по этому поводу в записной книжке за 1881 г.: «1 марта. Вечер. 19 ч. 1-го числа Государь был убит тою сволочью, которая, по счастливому выражению Моск[ковских] Вед[омостей] “наполняет промежутки держав”. Действительно, покушения на Государя нельзя назвать национальными. Не “русские” убили царя и не на русских падет позор этого деяния. В истории Александр II будет замечательным царем. Его эпоха, без сомнения станет наряду с эпохами других наших реформаторов: Ивана IV, Петра I и Екатерины II. После Ивана и Смут Русь стала действительно государством, после Петра оказалась совсем почти иною, после Екатерины она приобрела ту физиономию, которую изменил Александр II. Освобождение крестьян, начало самоуправления и общественности, огромная в сравнении со времен Николая — свободы слова, печати и науки — всё это создает Александру II памятник попрочнее и покрасивее тех, которые поставят в Москве и Питере»³.

Траурные события отразились и в дальнейших записях: «7 суббота. Вынос тела Государя в крепость»⁴; «13 марта. Пятница. Был у крепости. Измучился совсем затискали. Мамаша

не попала»⁵; «15 марта. Воскресенье. Похороны Государя»⁶.

В этой связи впервые употребляется термин «марксисты».

Довольно интересны рассуждения Платонова и о славянофилах, выступлениях одного из их лидеров И. С. Аксакова. Его речи, по мнению автора дневника, «страдают отсутствием логики и содержания и, напротив, присутствием ругани». Славянофилы разделены на направления: историческое (тот же А. И. Аксаков) и богословское (В. С. Соловьёв).

Восьмого апреля сделана содержательная помета в записной книжке: «Сегодня хорошая статья в Петербургской Газете против славянофилов. С их без содержательной трескотней пора бросить фразы и восклицания, пора подумать серьезно о средствах к избавлению России от незваных благодетелей, сулящих нам анархию и проповедующих нам посредством пуль и динамита (убедительные доводы?). Пора серьезно помыслить о ближайших задачах правительственных и общественных. Мы довольно слышали славянофильских бредней о каком-то единении, весьма похвальном и желательном; только можно наверно сказать мало они послужат этому единению. Брехать умеют все: не одни славянофилы, и Желябов брехал на суде. Говорят, но дела народного спокойствия и благоденствия не сделают ни те, ни другие, ни славянофилы, ни желябовы. Нам нужно не единение, построенное на системе Желябова Гегеля, а нужно продолжение реформ, к[ото]рые послужат реальным выражением действительно единения государственных элементов России»⁷. Насколько проницательное понимание действительности, насколько логичны рассуждения и сделанные умозаключения!

Прочитав упомянутый в дневнике манифест от 29 апреля 1881 г., С. Платонов находит, что «определенной программы он не содержит», но это стратегия российской элиты, близко стоящей к трону. Лаконичные рассуждения об отставке М. Т. Лорис-Меликова имеют логическое обоснование — это конец либеральным намерениям правительства. Оригинальные и самостоятельные мысли высказаны о последствиях его начинаний. Тема настолько волновала С. Платонова, что он вернулся к ней в этот же день. Уже вечером он приходит к убеждению о новой волне консервативных идей в России. Государство же, по его

³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1228. Л. 92–93.

⁴ Там же. Л. 98.

⁵ Там же. Л. 104.

⁶ Там же. Л. 196.

⁷ Там же. Л. 130.

образному замечанию, названо «*большим*». Это зрелые оценки событий современником, который делает выводы сам, наблюдая происходящие события. Они теперь представляют и историографическую ценность, поскольку расширяют наши представления о мировоззренческих установках будущего академика.

По этому поводу имеется запись и в записной книжке от 29 апреля: «сегодня экзамен О. Ф. Миллера. Я у него с прошлого года имею 5. Сегодня зашел в аудиторию, чтоб напомнить ему об этом. Он сам на всю аудиторию сказал мне, что моя отметка уже поставлена. Милый человек, но досадный ученый! Сегодня издан Манифест, одобряющий и призывающий народ к укреплению в единении с престолом. Нет ли какой перемены в высших сферах. Не выработалось ли определенной программы действий?»⁸.

В связи с трагическими событиями многих, в первую очередь студентов, ставили под подозрение. И вот 23 марта в квартиру Платоновых пришли с обыском. Описание процедуры имеет большую ценность. Важно проследить поведение самого Платонова.

Основные мировоззренческие установки С. Ф. Платонова сформировались к 20 годам, большая часть из них сохранится на всю жизнь. Ценность дневниковых записей состоит в том, что они дают возможность год за годом наблюдать за этим непростым процессом. От малозначущих рассуждений юноши о своем окружении, занятиях, времяпрепровождении, круге общения, он приходит к осознанию хода государственно-общественного развития, дает зрелые оценки происходившим событиям.

Следующая тетрадь во многом не похожа на предыдущую, она затрагивает тему, глубоко личную, поэтому и получила оригинальное название.

«Тетрадь любви»

Второй большой перерыв работы с дневником начинается после записи от 2 мая 1881 г. и продолжался более чем 2,5 года. Титульный лист этой тетради был без традиционных надписей: названия, хронологических дат, девиза. Указан только год — 1884. Отсутствует даже фамилия автора. Это обстоятельство явно указывает на охлаждение к многолетней традиции, подобному роду «бесед». Начинаются записи 19 января, а последняя сделана в 12 ч ночи 31 декабря, эта часть

дневниковых записей названа «*тетрадью любви*». Этим она отличается от других. Это будет последняя большая тетрадь, содержащая записи в последний год перед новым жизненным поворотом — женитьбой.

Примечательно, что здесь автор мысленно обращается к своему университетскому другу К. А. Иванову и признается, что он «*полюбил*». В предыдущей тетради говорилось о большом женском окружении. Девятого марта 1884 г. им впервые упомянута фамилия Шамонина — для него судьбоносная, и уже через месяц сделана запись, что она «*с ума нейдет*». Обратим внимание, что сам С. Платонов на первых порах думал, что это только «*увлечение*». Но неожиданно, даже незаметно для него самого оно переросло в «*новое чувство*». Пятого мая автор дневника фиксирует, что оно возникло во время занятий на Высших женских (Бестужевских) курсах. Напомним, что здесь молодой преподаватель, окончивший университет в 1882 г., оказался на следующий год.

Весной 1883 г. В. Г. Васильевский направил своему ученику письмо, на которое тот 8 мая ответил: «После долгих колебаний я пришел, наконец, к определенному решению касательно предложенных мне Вами лекций по р[усской] ист[ории] на В[ысших] К[урсах]: я могу принять на себя чтение 2 лекций в неделю по истории XVII века, если Совет курсов удостоит меня выбрать. Примите уверение в совершенном моем к Вам почтении Вашего покорного слуги Платонова»⁹.

Официальное избрание проходило 6 сентября на совете курсов. О его результатах В. Г. Васильевский опять-таки извещал своего протеже: «Милостивый государь, Сергей Федорович! В прошедшем заседании педагогического совета Высших Женских Курсов совершилось единогласное избрание Вас для чтения лекций по русской истории. Теперь осталось нам только получить согласие и утверждение попечителя. Я надеюсь, что в этом не будет помехи и замедления. Извещая Вас о таком положении дела, поздравляю Вас и радуюсь за Курсы. В. Васильевский. 8 сентября 1883 г.» [Митрофанов, 2024, с. 147].

В «Автобиографии» С. Ф. Платонов писал: «3 октября 1883 г., 23 лет от роду, прочел я свою первую лекцию и немногим позже начал семинарий с группой студенток, моих ровесниц и даже превосходивших меня возрастом»¹⁰. Этому

⁸ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1228. Л. 151.

⁹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1964. Л. 1.

¹⁰ Платонов С. Ф. Автобиография // Платонов С. Ф. Со-

вопросу С. Ф. Платонов посвятил небольшую статью¹¹. В аудитории курсов и произошло его знакомство с Н. Н. Шамониной. Об этом опубликована первая часть их совместной переписки данного времени [Митрофанов, 2025 (б)]. Два письма, были адресованы Н. Н. Шамониной по вопросам организации учебного процесса, в частности проведения семинариев. Но как записано в дневнике от 5 мая, это письмо — «первая попытка знакомства». При этом была ей подарена и первая публикация о «Земских соборах». А уже 11 мая появилось признание, записанное на страницах молчаливого друга — дневника, что он любит ее. После летних месяцев, уже осознанно и уверенно: «Я люблю ее вполне». В сентябре появляется мысль о женитьбе. Но в ноябре у избранника начались сомнения за выбор. Не одна страница посвящена внутренней борьбе с ними. И только 19 декабря выбор сделан — Надежда Шамонина.

Две недели ожиданий и тревог окончились, когда было получено письмо от 1 января уже 1885 г., где Надежда Николаевна согласилась стать женой

брание сочинений в 6-ти т. М.: Наука, 2017 Т. 5. С. 192–193.

¹¹ Платонов С. Ф. О преподавании русской истории на С.-Петербургских Высших женских курсах в 1878–1903 гг. // Платонов С. Ф. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Наука, 2017. Т. 5. С. 253–255.

С. Ф. Платонова. Об этом немало писем в личной переписке Н. Н. Шамониной с С. Ф. Платоновым [Митрофанов, 2015 (б)].

Заключение

Таким образом, «тетрадь любви» вся посвящена выбору спутника жизни. Основная часть дневника окончена, несколько записей будет сделано в 1885 г., и дневник будет закрыт. Публикуемые тексты из двух тетрадей позволяют убедиться, что немало их было уничтожено в печи, но оставшиеся в полной мере раскрывают характер исканий, формирования мировоззрения (особенно в университетский период). Основные его черты автор дневника указал сам: консерватизм, аполитичность, отсутствие религиозности. Появляется жизненный ориентир в профессиональной карьере — профессорство. Эти качества сформировались в сложное для страны время — убийство императора, смена правительственного курса от реформ к контрреформам, появление разного рода политических кружков, когда многие студенты попадают под надзор полиции, чем и объясняется и обыск.

Молитва матери о женитьбе своего единственного сына является логическим завершением этого периода четвертьвековой жизни С. Ф. Платонова. Он на пороге ее нового этапа.

С. Ф. Платонов

Дневник с 10 ноября 1879 г. по май 1881 г.

(Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1, ч. 1. Д. 1221. Л. 1)

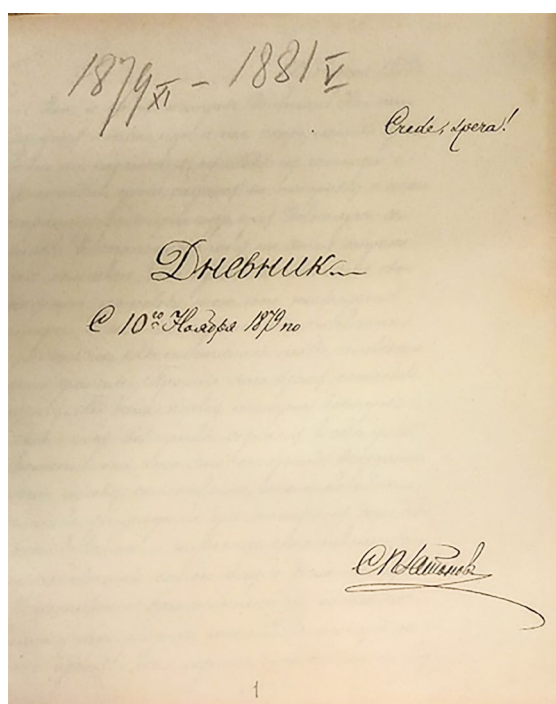

Рис. 1. Обложка дневника С. Ф. Платонова (с 10 ноября 1879 г.).

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1, ч. 1. Д. 1221. Л. 1

Fig. 1. Cover of the diary by S. F. Platonov (dated November 10, 1879). Manuscript Department of the National Library of Russia. Collection 585. Inventory 1, part 1. File 1221. Sheet 1

// л. 1 1879 XI — 1881V

Crede, spera!

Дневник
С 10-го ноября 1879 по¹²
С Платонов

// л. 2

Вот и новая тетрадь дневника! Как скоро пишутся страницы и как скоро летит время! Давно ли, казалось я, приходя из гимназии и приготовив уроки, садился за тетрадку и писал страницу за страницей, к[ото]рыя давно уже согрели в печке; давно ли я на этих страницах описывал своё душевное состояние, свою радость по поводу того, что неожиданно открыл в себе ум, сознал себя человеком умным и, как мечталось тогда, человеком очень умным. Прошло это время самообольщения. То была первая минута восторга, явившаяся вследствие сознания в себе ума. Естественно, что это открытие вскружило мне голову; естественно, что мой обыкновенный, заурядный ум показался сам себе очень большим и глубоким; естественно, что самообольщение силою вещей было наказано и истинное самопонимание мало по малу пришло ко мне. Да, теперь не то время! Ясно сознаю, что ничем не воз

// л. 2 об. вышаюсь над неоглядной толпой молодёжи, среди к[ото]рой часто попадаются умы сильные и глубокие; талантливых юношей у нас много. С тех пор, как стало мне ясно, что я средний человек по всему наследственному и благоприобретённому духовному имуществу, я стал будто бы счастливее и самодовольнее энергичнее и способнее, чем был прежде.

Перебирая в уме все те предметы, к[ото]рыми я мучился или восторгался в своём прошлом, я вижу, что все они кроме одного — отношений к Москве — потеряли для меня цену, видоизменившись в своей важности и сошли на степень элементарных истин, до к[ото]рых я добивался с величайшим трудом, пока не дозрел до ясного их понимания. Только эпизод в Харине остался для меня столь же дорогим, к[а]к и прежде. Свежая струя, ворвавшаяся в болото моей внутренней жизни, и обновившая все эле

// л. 3 менты этой жизни, продолжает также животворно течь в моём болоте, сообщая ему большее движение и жизнь; но теперь несколько обновившиеся элементы испытывают, соприкасаясь с этой струёй меньшее брожение, чем прежде, во времена застоя, и потому действие этой струи не так сильно действует на меня.

Я живу спокойно; во мне сильно сознание, что я на прямой дороге, или почти на прямой дороге,

¹² Далее не указано.

и это меня радует и покоит. Туман, застилавший доньне будущее от моих глаз, начинает спадать, как мне кажется. Насущные вопросы жизни решены; может быть, они не раз еще перерешатся, но для меня важно то, что первоначальная ориентировка сделана; а дальше — что бог даст, как говориться. Я очень рад тому, что мои претензии, к[ото]рые я предъявлял к жизни и к окружающему, дошли теперь до сравнительно малого объема: эдак спокойней и лучше.

// л. 3 об. Мне теперь очень ясны все мои отношения: к вопросам теологии, политики, нравственности, науки, искусства, к окружающим меня людям и пр[очее]. Мне ясны, повторяю отношения мои, но это не значит, что ясны самые вопросы. Многие из них не решены, но я не мучусь этим. Я понимаю, как к этому нужно относиться; понимаю, что нужно ждать их решения или подготовиться к нему общим развитием интеллекта, большим изучением предмета. В этом понимании отношений к различным предметам и заключается основание моего довольства, спокойствия и той завидной ясности духа, к[ото]рые не покидают меня почти полгода.

Здоровье отца улучшается заметно, и нужно надеяться, что скоро моя жизнь войдёт в свою обычную колею. Поскорее бы наставало это! / 1 час ночи/

// л. 4

12 н[оя]бр[я] вечер.

Сегодня был у меня Вася, и я высказал ему свою заветную мысль о рефератах, или о чтениях, к[ото]рые мне хотелось устроить среди знакомых. Я всегда с завистью смотрел на те кружки, в к[ото]рых мышление происходит сообща, с разделением труда, если можно так выразиться. По некоторым данным можно судить, что в Н-товском обществе это дело пойдёт успешней, вследствие большого количества деятелей, к[ото]рое можно (впрочем, не наверно) привлечь к затее.

Эх, русская мысль! Оттого ты и немощна, что существуешь в умах без общения, таишься от людей, как бы боясь света. Дороже тебе плотная скорлупка единичного черепа, чем тот великий храм, достойный тебя, к[ото]рый зовётся обществом. Эта широкая арена для тебя кажется необозримой и неприютной... Что же виною?.. Конечно «история»!

// л. 4 об.

15 ноября 1879 г.

Конца моим дежурствам при отце пока не предвидится. Дежурствам этим я отдал уже

три недели, три недели я уже оставил свои занятия, изменил свой образ жизни, разобщился почти со всем тем, с чем до селе имел общение. Говорю так потому, что нельзя же считать общением те торопливые визиты, к[ото]рые я делаю Васе и Нейдг[ардт]. Вчера только я «гулял» целый день: с Н[ейтгард]т был в Эрмитаже, у Л-х был на репетиции. Но как я играл вчера отвратительно! Буквально все лучшие места ролей провалил! Многие говорят, что я похудел за эти три недели.

Вчера говорил я с В. Н. Б-к — что за милая особа! В Левашове 20 авг[уста] я был просто обворожён ею, и теперь она продолжает казаться мне такою же милою и симпатичной девушкой. Мне очень хотелось бы поговорить с ней больше, и я по // л. 5 стараюсь это устроить, тем более, что, мне кажется, она не прочь говорить со мной.

Я очень люблю бывать в Эрмитаже, мне очень нравятся эти роскошные залы с их богатством, массивностью (если здесь этак можно выразиться), прекрасным иногда стилем. Затем, некоторые отделы живописи, к[ото]рые доступны моему пониманию, доставляют мне большое удовольствие. Я не понимаю, не могу найти прелесть в живописи религиозной (за редкими исключениями). Сам Рафаэль для меня нуль, если в его картинах нет ясно видимой «человеческой, так сказать идеи». Не будучи религиозен, я естественно не могу понимать религиозных экстазов, к[ото]рые отразились в этих картинах, как начало творящее или творимое. Но, смотря на картины позднейшие более реальные, я понимаю многое и могу высказать своё мнение, пот[ому] что от картин определю // л. 5 об. лённое впечатление и ловлю, как мысль одной картины, так идею и всей школы (фламандской, напр.). Нашу русскую живопись я чрезвычайно люблю, к[а]к за естественность и осмысленность сюжетов, так и за манеру письма. Откровенного говоря, я покуда сознаю только, что русская манера писания отлична от всякой другой, но смогу определить её точно, чем именно она отлична. Всё, что я могу сказать о писании картин, заключается в следующем: мне кажется, что манера письма находится в зависимости от красок «природы». Чем ярче цвета в «природе» в отечестве художника, тем ярче его краски, что бы он ни писал: пейзаж, жанр, портрет ест. Чем резче контрасты в цветах и красках «природы», окружающей художника во всякой его картине с любым сюжете // л. 6 том. Пусть испанский и русский живописцы напишут на один жанровый, что ли сюжет, на сюжет: Прощание с милой (!), я уверен,

что у испанца краски будут ярче и контрасты резче, чем у русского. Я написал: «я уверен», но это не верно; следует написать: «мне кажется», п. что я не считаю для себя возможным утверждать точно эту мысль. Я так мало смыслю в живописи, эрудиция моя в этом отношении так слаба, что компетентно утверждать что-либо в этом отношении было бы с моей стороны слишком смело, но раз блеснула у меня подобная мысль, я постараюсь поискать доказательств. Во всяком деле приятно иметь свою самостоятельную мысль, а тем более приятно иметь доказательства.

Получил от маркизы письмо, в к[ото]ром так много хороших мыслей, что невольно чувствуешь к ней какое-то уважение. Я удивляюсь сам себе: я не мог бы пред // л. 6 об. положить, что я в состоянии сохранять так долго такую силу и свежесть чувства, какую ощущаю в себе по отношению к этой редкой женщине!

Но кто меня приятно удивляет, так это Ал. К. Вчера она снова дала мне понять, каким психическим чутьём она владеет и как умеет разбирать факты. Она поняла мои семейные отношения без указаний с моей стороны, она поняла моё настроение. 23 окт[ября] и оценила шутку о замужестве etc по достоинству. Эти три факта стоит помнить.

18-го н[оя]бр[я] 3 ¼ ч. утра.

Берусь за дневник с целью записать курьёзный факт. Окончивший гимназию ст. советника Ф. Ф. Бычкова юрист 1 к. Ярецкий с апломбом заверяет, что некто Коркунов держится принципов Макиавелли, т. е., сторонник конституции и республиканской формы правления. Это ли не курьёз?!

// л. 7

26 н[оя]бр[я] 1 ½ ночи.

Давно я уже не брался за дневник. О чем писать — вот вопрос? Прежде всего следует сказать, что отец выздоравливает, что я часто бываю вне дома и в ноябре танцевал, кажется, раз пять. Да не поставят мне этого в вину пуритане различных цветов и оттенков!

Затем... затем перейду к своим индивидуальным (!) делам: я в дневнике не касаюсь общественных вопросов, потому что, пропуская их, мне кажется, я не уменьшаю достоинств дневника; к[а]к картины моей духовной жизни, моего духовного развития. И без этих вопросов можно видеть в дневнике мои идеалы, надежды, стремления... А к[а]к противны мне все эти наши общественные вопросы! Положительно я опоздал лет на 30 родиться: чувствую, что я не общественный деятель, а просто по возможности честный чело-

век. В делах внутренней политики // л. 7 об. я посторонний зритель, смотрящий на всё не с партийной, но с общественной точки зрения, судящий поступки (но не их) всякие вообще в этой области на исторической почве. По крайней мере стремлюсь к такому воззрению, ибо оно мне симпатичней всего. Никакая партийная идея не владеет мною. Внешней политикой я интересуюсь, но знаю положение дел в одной точке Франции, ибо это страна, наиболее прогрессирующая в развитии общественной жизни.

С гораздо большим интересом и симпатией отношусь я к миру науки. К области научного умозрения. Но... дневник мой предназначен для записывания, всего интересующего меня. А меня более всего поневоле интересуется моё я. Потому оно и занимает первое место в дневнике. Мои личные дела невольно тянут меня к себе, я и пишу о них.

// л. 8 Пишу я теперь усталый, поэтому у меня выходит как-то темно. Если читатель сего не возьмёт в надлежащий толк, то виновата моя усталость, а не глупость. Я могу писать и яснее, но что написано, то для меня понятно, а этого только мне и нужно.

Я много имею дела с женщинами. Я испытываю на себе уже давно их прекрасное влияние и очень их уважаю. В настоящее время женщины — большая часть моих знакомых, и я так привык говорить с ними, что с мужчиной заговорю хуже. Теперь идёт оживлённая беседа о прошлом с маркизой, происходит дальнейшее ознакомление с Нейтгардт, содержательная переписка с сестрой, к[ото]рая начинает видеть во мне друга и говорит мне многое. (Недавно утешал я также В. Б-а. Это а' rporos). Чую впереди ознакомление с Б. Д. Малис и В. Н. Б-к. Остаётся воскликнуть: *top de femmes!* И какие все хорошие лица!

// л. 8 об. Я очень привык к женщинам и вижу, что в общем они лучше мужчин: меньше они портятся как-то. Если б я вообще не имел знакомых девушек, я бы скучал: я действительно привык к ним, уменью с ним говорить и понимать их, насколько хватает моих сил. Я только недавно сознал всё это и обрадовался. Что за славный это народ! К[а]к мне кажется, знакомство с А. К. Н-т начинает сильно прогрессировать, к[а]к и летом. Это я предчувствовал и вряд ли ошибаюсь.

29-го н[оя]бр[я] вечер.

Снова яро занимаюсь психологией и снова сержусь чуть не на каждой строке. Дело в том, что г. профессор клеит повсюду свои теории... что это за теории, чёрт возьми! Сам много почтенный Бен (или, к[а]к пишут Бэн) ничего подобно-

го не в состоянии изобрести. Впрочем, чему же удивляться: то ведь про // л. 9 фессор Бен, а это проф[ессор] Вл[адислав]ев. Разница громадная, что и чувствуется при сравнении их воззрений.

Необходимо мне достать работу, хотя и с университетским трудом едва-ли справлюсь. Приходится в поисках за работой думать о том, чтоб работа была честна и что б достать её честно. А тут то и обнаруживается моя щепетильность, к[а]к человеку теории, ещё не нюхавшего того, что зовётся жизнью с практическим её пониманием. Я слишком горд для того, чтобы «просить» работы: я хочу её «достать». В этом-то моя беда, потому что у нас (т. е. на свете) работы приходится пока просить...

Сегодня явилось, было у меня то мучительное состояние нервов, при к[ото]ром находишься в непрерывном мучительном и приятном... является «*sehnsucht*»¹³, непонятное стремление к чему-то ещё менее понятному и во всём этом, // л. 9 об. как основной тон, звучит одна давно знакомая нота: это потребность любить, потребность своего рода антропоморфизма своего рода религия. Необыкновенно легко в это время пишутся стихи: рифма не заставляет себя ждать, а просится сама, строки ложатся на бумагу быстро, и чувствуешь, что в стихах, если и нет настоящей поэзии, зато есть душа.

Но сегодня это настроение не вытанцевалось, и стихов не появилось. Их заменил конспект лекций психологии. Что лучше, не решу. Но тем не менее должен сказать, что не охаиваю огулом подобных нервных состояний: в них, очень легко может быть, больше культивирующего элемента, чем в лекциях Вл[адислава]ва. Человек живёт ощущениями, и необходимо чтобы была гармония в переживании тех или других ощущений, известное равновесие между ними. Иначе — печальная односторонность получится или Райский // л. 10 («Обрыв») или Ф. С. Соколов. «Умеренность и аккуратность» прекрасный девиз, к сожалению, опошленный Малчалиным. Этот девиз хорош тем, что предполагает в человеке то, что я зову «регулирующим началом». А регулирующее начало удержит от всякой односторонности. Серьёзно говоря, я никогда не заявлю своей программы в этой молчалинской формуле, ибо она чересчур пошла и прекрасно характеризует (характер) Молчалиных. К несчастью, крайности часто бывают тождественны!

¹³ Ностальгия — с нем.

Пять недель потеряны мною! Какая это для меня тяжёлая вещь! Но что делать, если б следовало потерять ещё пять недель, я бы согласился немедля, как бы ни трудно это было для меня и как бы ни тяжело отозвалось это на моих занятиях. И удивительно: после 5 грустных недель расположение моего духа вполне ясно!

// л. 10 об.

2 февраля 80 г.

Взял на минуту свой дневник, оказывается, что 66 дней не вёл его, да и теперь нет времени, да и охоты вести его, а потому снова закрываю, а на долго ли, не знаю!

//л. 11

8 марта 1881 г.

Через 13 месяцев я снова сажусь за тетрадь: в высшей степени тяжёлое чувство побуждает меня сделать это, записать свои мысли, побеседовать самим с собой.

Чувство это — горе. Русский царь изуродован и умер, как солдат на войне, с изломанными членами, облитый кровью. Кто же сделал эту подлость? Шайка, отвергаемая и интеллигенцией и народом, не имеющая почвы, не имеющая права на решение судеб России. Поэтому я и называю этот поступок подлостью, но только отчасти поэтому, ибо есть и другие соображения, по к[ото]рым это убийство подло. Оно, кроме того, бессмысленно.

Шайка эта не имеет права не только убивать, но и существовать, раз она выходит за пределы, указанные законом честному человеку, к[а]к таковому. Самые // л. 11 об. либеральные государства начинают борьбу с какой бы то ни было политической партией, если она действует путями насилия и беззакония. Такая партия подлежит уничтожению, и это более, чем к кому другому, применяется к нашим нигилистам (почему их так зовут? Нигилист нечто другое: он философская система мировоззрения, а не партия). Наши анархисты действуют путём гнуснейших насилий, доктрина их нам неизвестна и, верите всего, заключается в одном «бей!»; до чего-нибудь умнее им не додумается. В силу этого, шайка эта не имеет права существовать, а, если существует, преступна и подлежит истреблению. Но это всё — к слову. Партия существует, Государь убит; буду говорить об убийстве.

Оно подло и бессмысленно. Подло во 1-х потому, что партия, не имеющая // л. 12 права быть, не смеет и думать о решении судьбы государства; во 2-х подло с абсолютно нравственной точки зрения. Известный нравственный критерий су-

ществует, но ещё не определён одинаково всеми; он есть, и заключается ли он в бесконечном самопожертвовании любви, или в достижении личного счастья без вреда другим или в охране права равно своих и чужих, но он есть, несомненно есть: все школы этиков его признают посвоему. И вот все эти школы отрицают убийство, к[а]к безнравственный акт: и христианин, и утилитарианин и юрист одинаково отвёртывается от убийства: оно гнусно.

Если посмотреть на дело с исторической точки зрения, то убийство это не имеет смысла. История, правда, говорит, что иногда убийствами, обманами, насилием создавалось в позднейшем политике приносил пользу Франции // л. 12 об. благополучие. Изверг в нравственном отношении Люд[овик] XI своей политикой приносил пользу Франции. Но цареубийство не оправдывается историей. Англичане, совершившие его официально, теперь признают неприкосновенность и неотвечественность короля. Другие конституции тоже. Это аксиома истории и политики, и она справедливей и мудрей невежества наших марксистов.

Если скажут, что в лице Государя убита система, то это абсурд с какой угодно точки зрения. При нашем государственном устройстве действительно система кажется зависящей от лица более, чем в Зап. Европе. Но исторические прецеденты определяют направление воли лица, и система т. о. является продуктом истории, как и самое лицо с его // л. 13 индивидуальностью волею. С другой стороны: шайка убивает лицо, чтобы убить систему. Но эта шайка не смирится даже с конституционным устройством, она хочет анархии полной, времени Стеньки Разина со всеми её, якобы, совершенством (хороши вкус и знания!). Но при таких желаниях убийство лица — полный абсурд.

Следующий Государь, наверно, не будет (в смысле перемены власти на безвластие). Желая убить институт власти, убивают лицо! О глупость и мерзость!

Город в трауре, народ готов убивать всех, на кого падает его подозрение в убийстве действительно любимого царя. Ректор в Харькове предупредил студентов о возможности насилия со стороны черни. Как должно бы быть стыдно тем, от кого изошло отождествление студенчества с анархистами! А сту // л. 13 об. денчество оказалось на февральских сходках замечательно умеренным и консервативным, к его чести. Нет ничего несправедливым и пошлее обвинять

в чём-либо огулом целый класс, сословие, корпорацию. Рысаков — студент. Что же из этого? Я тоже студент, а чем дальше знакомлюсь с наукой, тем консервативнее становлюсь. Моя натура вообще не выносит крайностей, уверенность — моё постоянное качество. Однажды увлёкся я было (в 1877 г.) писарёвщиной и хвалил Лопухова, не подозревая, какая это не искренняя фикция, но это — доброе, старое, глупое время. Говорю я слава богу, что создан не для политических влечений и не могу быть парламентарским оратором. Будь у меня эти наклонности, чёрт знает, чем бы я стал!

// л. 14 От многих гадостей спасаешь, ты наука!

А чрез тебя стал нравственнее, в тебе нахожу и теперь утешение и приют от гнетущей скорби!

Страшное время переживаем мы, время безверия и беззастенчивости! Чувствуется, что человечество доходит до предела и должно повернуть в другую сторону; чувствуется необходимость в принципе, в «Гегеле», т[а]к сказать.

Если я доживу до старости и внуки мои спросят о нынешних днях, царевубийства и подкопов, я краснея расскажу им, и в оправдание самого себя, как человека этого времени, расскажу им, что было и то, как мучают, меня теперь нервы, как слёзы жалости о погибшем Царе душили меня не раз, а в доказательство истин моих слов, покажу им эти строки.

Что будет у нас чрез полвека?

// л. 14 об.

23 марта.

Сегодня в ½ десятого пришли ко мне гости: пристав, околоточный, Белин и вахтёр. Пристав объявил мне, что должен произвести обыск. — «Сделайте одолжение». Вошли разделись. Белин не потушил сигары и вонь её носится до сих пор в воздухе, как доказательство реальности всего происшедшего. Как на зло, я не мог долго сыскать своих ключей. Кто-то из них нашёл их на этажерке. Открыли стол. Меня из комнаты не выпустили. В столе прямо пристав наткнулся на картонный ящик с разными мелкими бумажками и с этой тетрадью, к[ото]рую я со дня на день собирался уложить к прочим тетрадям, но к счастью, к[а]к оказывается не собрался. Я заявил, что это мой дневник к[ото]рый я веду несколько лет. Стал смотреть, прочёл предыдущие страницы и прекратил обыск. Я // л. 15 ему показал мою записную книжку в дополнение к дневнику. Околоточный в это время разбирал бумаги и книги на ломберном столе. Я видел, к[а]к он вынул из папки непосланное и неокончен-

ное письмо к маркизе, где я пишу с юмором о тетракситах и о сплетне Алмазова. Юмористически пишу я и о научных и об иных делах очень часто. Околоточный занялся чтением и ничего должно быть не понимал. Этот околоточный производит на меня несколько комическое впечатление: он как будто ужасно недоволен, что он околоточный и с выражением грусти производит осмотры и отбирает голоса (он у отца отбирает голос при выборах в барановскую комиссию). Участковый пристав Хоменко для меня непонятный тип: когда он «исповедовал» меня 7 мая [18]80 г. он показался мне прекрасным человеком, видя его в театре, напр[имер], и наблюдая за ним, я несколько раз начинал // л. 15 об. думать, что это — ловкий психолог-практик, к[ото]рый годился бы даже в парижскую или лондонскую полицию и был бы прекрасным судебным следователем, но к[ото]рый лишён всякой сердечности. Мне казалось потом, что в беседе с ним в [18]80 г. я был некоторым образом жертвой психологического эксперимента. Привлекаемый его сердечностью, к[а]к мне казалось, деланной я бы непременно, если б за мной было что-нибудь преступное, проговорился бы ему. Он поймал бы меня с помощью ловкого приёма, обрашк к[ото]рого есть у Достоевского в «Прест[уплении] и наказ[ании]». Но сегодня Хоменко проявил свою сердечность, когда делать её не было никакой надобности, и проявил так, что у меня исчезло всякое подозрение в её деланности.

Сегодняшняя история — продукт времени, когда всё выбито из колеи. У чело // л. 16 века, к[ото]рый ни единого из анархистов в глаза не видал и, если б увидел, то обругал бы, делают обыск!

Всё это было бы смешно,

Когда бы не было так грустно!

Меня держат под подозрением 2 ½ года, с тех пор, к[а]к я стал студентом. За что я взят под надзор, совершенно не знаю. В тот момент я был мальчик 18 лет, не понимавший того, что делается перед глазами, воспитанный в семействе, верноподданнее которого нельзя найти. Руководимый святой идеей служения обществу, идя я в нашу читальню осуществлять эту идею дежурствами в читальне: берусь за издание лекций безмездно, трачу время и труд. Теперь я этого не сделаю в такой глупой форме. Издание лекций у нас не есть общественное дело, а читальня — приносить мало пользы. По мне, её хоть не будь! Присутствуя на заседаниях будущих библиотечарей, я молчал, слушая бредни // л. 16 об. ораторов и детской душою не чуял, что эти речи

имеют некоторую подкладку, к[ото]рой я не почувствовал, не чуял существования у нас партий. Когда же узнал, что среди библиотекарей существуют партии, стал в недоумение и прилагая ко всему нравственное мерило, стал против одной из партий; ибо она подличала, а узнав, наконец, что такое другая — ушёл из читальни. А, вероятно, за это-то детски наивное и чистое участие в библиотеке, я и взят под надзор! Думаю, так, ибо ректор недавно намекнул, что библиотекари все подверглись этой участи из-за двух-трёх паршивых овец. Этому легко поверить, ибо тогда были времена Гурки и Зубова, к[ото]рое слишком дёшево ценили общественное благополучие, за что и потерпели должное и от общественного мнения и от власти // л. 17. Итак, неразвитым мальчиком попал я под надзор и 1 ½ года не подозревал о его существовании. И благо мне было, что я не знал: я чувствовал себя очень спокойно, как может чувствовать себя человек не повинный ни в одном из деяний, подлежащих суду административному или присяжному. Но в мае [18]80 г. я узнал о надзоре, и это стало для меня источником мук. Как бы печать отвержения легла на меня. Знакомясь с кем, я думал, что не должен ли я к[а]к честный человек, сказать ему, что я де поднадзорный. Быть может он тогда отвернётся от меня, не желая быть в сношениях с компрометированным человеком?

С другой стороны, я стал бояться всего и всех. Просыпаясь ночью, я трепетал при мысли, что, может быть, в данную минуту за дверью стоит полиция, к[ото]рая возьмёт меня, раба божия, на цугундер и этим самым сведёт в могилу моего // л. 17 об. отца и сделает несчастной мать, а мои мечты о науке, профессорстве и т. д. полетят к чёрту; сам же я сгину ни за понюшку-табаку, к[а]к говорить. Думать это и в то же время не чувствовать за собой ничего «преступного» — это пытка. Наконец, какое чувство является в человеке, когда он видит, что зависит от воли одного человека! Это чувство я испытал. Я зависел, а может быть и теперь завишу от одного Хоменки. Захочет он — меня пальцем не тронут, захочет — чрез месяц я улечу в Мезень, что ли. Нужно, кажется, иметь много смысла, чтобы в Хоменке не перестать видеть человека, и ещё больше нужно смысла, чтобы, говоря языком Щедрина, «не возроптать» ...

Вот что производит «надзор». Винить (в этом частью) в таком положении я могу частью судьбу, к[ото]рая // л. 18 наслала на Россию анархистов — эту сифилитическую язву на нашем го-

сударственном организме, частью же тех наших «государственных» людей, к[ото]рые вместо борьбы с анархией, поборолли всё наше общество. В чём жертва этого поборения — и я. Сколько таких смиренных и вполне благонамеренных людей, как я, к[ото]рые пострадали от рокового подозрения. И сколько греха легло на души тех администраторов, к[ото]рые мешали обществу с анархистами. Зубов и Гурко могут сказать, что они увеличили численность панургова стада, вожаком которого — шайка анархистов. Ведь не все поднадзорные остались на высоте научного мирозерцания, на к[ото]ром к счастью, остаюсь я даже после обыска.

// л. 18 об.

29-го марта.

Славянофильская идея в лице почтенного Влад Серг. Соловьёва договорилась до чёртиков, дошла до такого вывода, к[ото]рый может быть сделан и теми, к[ото]рые торговали сырами в Малой Садовой. Соловьёв выразил мысль, что преступники 1-го марта должны быть прощены. Зная его можно понять, что Соловьёв — человек спокойный и безвредный — разумеет здесь не то, что уразумели его слушатели. А они уразумели это буквально. От этого и вышла катавасия. Не ведая сам, он сыграл в руку людям беспорядка. Жаль его: он может поплатиться за пару глупых слов.

Славянофильская идея исключительности нашего племени в религиозном и общественном отношении справедлива своей одной стороной. Действительно, историческая жизнь и выработанные // л. 19 ею общественные черты и качества нашего народа — оригинальны. Но оригинальность эта не даёт ещё никакого права заключать ни о высших миссиях, ни о бывшем совершенстве нашем сравнительно с народами западноевропейскими. История и физиономия Англии в высшей степени оригинальны, но я не знаю никого из английских мыслителей, кто бы приписывал английскому народу исключительную роль в мировой истории. У английских патриотов более исторических знаний и дисциплины мысли, чем у наших славянофилов.

Раз признав наш народ — народом какого-то особого высшего порядка и т. о. установив на народ идеальную точку зрения — не трудно, идя от ложного основания, прийти к особенным выводам. Это и сделано славянофилами.

Их политическое учение мне представляется так: Учение славянофилов

// л. 19 об. — историков: смешение понятия «государства» с понятием «государственной

власти», т. е. правительства. Отсюда идёт учение о раздельности «земли» и «государства», об их союзе, при условии: «государству — сила власти; земле — сила мнения». Это условие узаконяет самодержавие, к[а]к желаемую народом форму правления; но оно узаконяет и земский собор. Теперь И. С. Аксаков, говоря речь о возвращении к союзу, нарушенному Петром, не договаривает того, что хотелось бы ему сказать, т. е. не договаривает о земских соборах, ибо это запрещено Лорис-Меликовым. Поэтому речи его страдают отсутствием логики и содержания и, напротив, присутствием ругани. Поэтому против них и полемизировать нельзя. Да ему и говорить бы не следовало, не следовало бы и ругаться, если он не может высказываться.

// л. 20 Другие славянофилы — (Соловьёв) — представители богословского направления полагают, что русскому народу суждено сохранить во всей чистоте доктрину Христа и ввести её в жизнь. С точки зрения этой утопии и говорил Соловьёв: русский народ исповедует две идеи: самодержавие и христианскую любовь (всепрощение). Самодержавный царь есть «воплощение народной идеи», ему принадлежит и её овеществление, ergo он её и должен применить к нынешним преступникам, даровать им прощение (исходящее из христианской идеи). Вот что говорил Соловьёв. Велика-ли его вина? А мала-ли его глупость?

// л. 20 об.

2 мая.

На днях вышел (29 апр.) Высочайший манифест. Определённой программы он не содержит. Читая его, я не знал, какое значение ему придать.

После долгого размышления я пришёл к выводу, что в высших средах, выработана наконец программа действий, выяснена политика, а манифест знаменует собой этот факт и начало шествия правительства по выработанному пути. Так, кажется и есть.

Говорят, Лорис-Меликов подал в отставку. Говорят, значение приобрёл Катков. Ясно, что идеи Лорис-Меликова оставлены. Политика не в его руках. «Новые веяния» с этим кончатся.

А они-то и подняли дух, народа, удручённого крамолой и безуспешной репрессией. Этим то подъёмом Лорис-Меликов и приобрёл любовь и популярность общества, и имя его с любовью // л. 21 и доверием поминается и долго будет поминаться в обществе. Но и теперь, когда время Лорис-М[елико]ва стало прошедшим, останется его влияние на действиях новых администрато-

ров. Он раскредитировал многое и ко многому вернуться после него нельзя.

Некогда. Допишу после.

Вечер.

Резюмируя одним словом деятельность Лор[ис]-Мел[ико]ва должно сказать, что он во 1-х, раскредитировал репрессию, как исключительную меру для успокоения государства, а во 2-х он развил мысль о необходимости прогресса и развития параллельно с мерами карательными и предупредительными по отношению к крамоле. Политика Лор[ис]-М[елико]ва вполне избавляла наше правительство от нареканий, к[ото]рые мне приходилось слышать. Говорили, что правительство боролось с крамолой, а народ со стороны смотрел // л. 21 об. на борьбу двух партий. Ещё недавно проскальзывала такая мысль в одной из газет. Представление о правительстве, как о партии, вредно и для правительства, и для представляемого. Правительство не должно представляться преследующим партийные цели, хотя каждое правительство держится взглядов, характеризующую какую-либо партию. Иначе и быть не может. Правительство имеет свою систему политики, одну, а не все, существующие в странах, но держась взглядов какой-либо партии, правительство не должно и не может быть партией, ибо оно должно шире блюсти интересы страны, принимать во внимание всё полезное, выработанное той или другой партией. Этим оно отличается от партии...

Теперь легко может статься с удалением Лор[ис]-Мел[ико]ва представителя // л. 22 так называемых «либеральных» воззрений, восторжествуют воззрения консервативные. Не зная точно намерений правящих сфер, не стану говорить много: у консерватизма много градаций. Поживём — увидим. Одно только можно сказать и теперь. По искреннему моему убеждению, масса интеллигенции и народа пожалеют об умном и талантливом графе. Я же готов плакать, тем более, если с его уходом уйдут и его воззрения. Он верно понимал, что полезно больному государству... он и смешивал либералов и революционеров. Между ними действительно громадная разница.

Наука осуждает, не признает наших анархистов. Они невежественны. А либералы наукой признаются и в ней рождаются. Серьёзные знания исторические удержат человека от общения и единовлечения с анархистами, но они // л. 22 об. сделают человека мирным и серьёзным другом прогресса т. е. равномерного разви-

тия народных сил. Поэтому либерал¹⁴ никогда не протянет руки анархисту. Либерал держится истории очень крепко, анархист питается утопиями. Вполне понятно, почему наши анархисты враждебно относятся к либералам («Голосу», на-

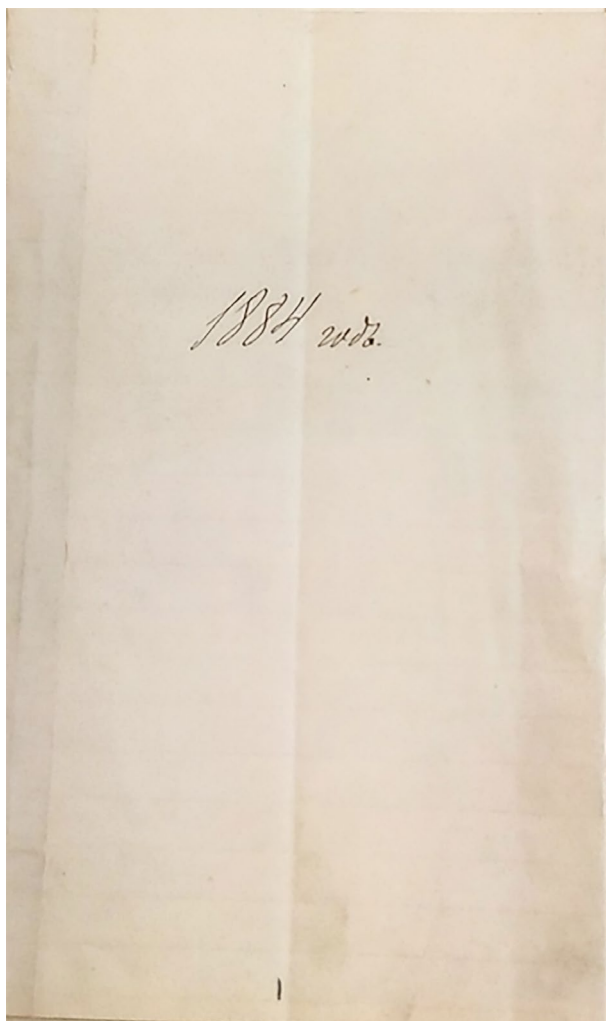
¹⁴ Либерал в том смысле, как понимается у нас — примеч. С. Ф. Платонова.

пример).

Сейчас слышим, что министром Вн[утренних] Дел назначен Игнатъев. Умный человек, но каких воззрений, не знаю

Соловьёв (Влад[имир]) уехал в Москву. Ему легко сошла его глупая речь.

С. Ф. Платонов Дневник за 1984 г.

// л. 1 1884 год.

// л. 2.

19 января 1884 г. 11 ч. в.

Не знаю почему, но мне хочется к кому-нибудь мысленно обращаться, когда я пишу эти записки, а не беседовать с собой одним. И обращаюсь я к тебе, чистая, милая душа Константин Алексеевич! Мне воображается, что ты передо мною сидишь с своими серьёзными глазами и серьёзной улыбкой и смотришь, что я вывожу пером. Ты, хотя и мало меня знаешь, изо всех моих друзей, их же много за последнее время, лучше меня поймёшь и честнее посочувствуешь.

Мне кажется, что я полюбил (Как мне трудно написать это слово). У меня была уже любовь, детская, романтически-наивная, короткая, но, право сильная. Ни одного поцелуя не дал я никому, никому вслух не сказал, что люблю. Я всё это берёг, как дары такие, которые попусту тратить — преступление. Я ведь от // л. 2 об. отчасти романтик, недаром начал с Белинского, продолжил Лермонтовым и своими стихами и кончил Тургеневым.

Она у меня училась. И я её самое вовсе не помнил, но помнил её сочинение об Андрее Боголюбском. Это было в зиму 1882–3 г.

25-го декабря я её видел в первый раз, много с нею говорил и ничего с ней не думал, ничего не почувствовал. Но как-то незаметно дня через три я стал думать о ней и мучительно желал её видеть. 1-го января. И увидел, и задрожал. И поспешил убежать с бала, хотя ради неё приехал, её так долго ждал. 1-го получив от неё приглашение на 6-е. Оказалось, что живут они окна в окна со мною.

6-го был у них. Просидел 1 ½ часа. Перезнакомился с семьёй. Стал зевать в их окна, думал, что они меня поймали, понял, что зевать подло — и оставил.

// л. 3 Стал искать встречи с нею. Встретил 12-го на угле Кирочной и Надеждинской. Как она показалась мне хороша. Я растерялся от встречи. Долго думал, как на неё подействовала эта встреча (я её едва поклонился); и пришел к мысли подействовала неприятно: она кажется удивилась и растерялась немного. Теперь больше не ищу встреч. 15-го её отец был у меня с визитом. Мы с ним встретились около моего дома (он не застал меня) и пошли к ним. Я сам собирался к ним и приготовил и ей и Н. В-не свои статьи. В это воскресенье я был уже в уверенности, что влюбился, что это увлечение более сильно, чем я думал.

17-го (вторник) много слышал о ней хороших вещей от Пл. Сид., а 18 в среду пошел к ним вече-

ром, и остался недоволен тем, что серьёзной беседы было мало.

// л. 3 об.

26 января [18]84.

Видел её ещё два раза: в среду 18 обещал им принести Le Roy¹⁵ «Руины Греции» и принёс в субботу 21. Застал Гуревича и Заленскую. Просидели полчаса. Всё выходило как-то глупо, и я ушёл скоро — на лекцию Незелёнова. Во вторник 24 пришёл за Le Roy и просидел весь вечер с 8 ½ до 11 ½. Она занималась Шекспиром (Юлием Цезарем) с какой-то подружкой. Говорила очень долго, впрочем, за чаем. Какое у неё хорошее лицо, какие капризные губы (иногда) и какие глаза: зеленые, против света черные. Этими глазами, т. е. зелёными, суждено играть роль в моей жизни. У маркизы¹⁶ тоже зеленые глаза. Маркиза, Маркиза! Хорошо, что тебя нет около меня: ты бы всё читала в моей душе, хотя и перестала понимать меня, как прежде. Господствующей темой разговора была Москва и мои убеждения: по моей лекции // л. 4 они угадали, что я принадлежу не к господствующим типам славянофилов и западников. «Это хорошо», сказала она. Но вряд ли с моей точки зрения это сказано.

Пишу теперь во 2-м часу ночи. Был у Р. на именинах и весь вечер говорил о положительных науках и метафизике. Любовь и метафизика! Дай бог, чтобы они не смешались.

14 февраля.

5 февраля отец был у меня. 6-го я у них. Её не было. Всё это пустяк. Прав Тургенев: увлекающиеся люди не способны к глубокому чувству.

16 февраля.

Вчера был у них. Всё, что происходит со мною, быть может, глупо и сладко...¹⁷ Она была очень ласкова со мною: просила принести кота. Они его увидели на окне, хотя в этом и не сознаются.

// л. 4 об. Я было собрался уходить, когда уходил Вас. Алексеев. Воскресенский (кто он не знаю), но она кокетливым жестом удержала меня. Некоторые частности её поведения заставляют меня думать, что она ещё почти девочка и не серьёзна. Но... это глупо, глупо, но в этом я не волен. Я не знаю, люблю ли я, или увлекаюсь только: но этого¹⁸ со мной никогда не было, чтобы

¹⁵ Жюльен-Давид Леруа или Леруа (1724–1803) — архитектор и археолог.

¹⁶ Речь идет о Евгении Николаевне Калайдович (Беркут), с которой он находился в переписке в 1877 по 1885 г. (активный этап).

¹⁷ Здесь и далее так в ркп.

¹⁸ Здесь и далее подчеркивания в ркп.

я интересовался так девушкой.

9 марта.

Она больна. Я был у них 1-го, бывал и раньше (днём). Она захворала от занятий. Я не знаю, люблю ли я её! Это меня мучит, ужасно. Я постоянно думаю о ней, обдумываю её, вижу её недостатки, вижу, что она ещё во многом девочка. И не могу не интересоваться ею. А сравнить с нею Шамонину, так Ш[амонина] в десять раз выше. Но помилее!

// л. 5.

8 апреля.

Пасха! Для всех воскрес Христос распятый!.. А для меня — воскрес ли он?

Месяц прошёл с тех пор, как сделал я в сию «тетрадь любви» последнюю запись. Какая перемена с тех пор! Забыта Ольга Васильевна решительно и окончательно...

Говорят, что увлекающиеся люди не способны полюбить. Это глубоко верно. Я и здесь не полюбил. Зато теперь я снова увлёкся и также глубоко. Вместо Ольги Васильевны с ума нейдёт у меня Надежда Николаевна. Но, конечно, это — увлечение, конечно, конечно!

То кровь кипит, то сил избыток, сказал бы я, когда имел избыток сил. В моём бессилье — то «жар души», который трачу я в пустоте, с измождённым телом не смея тратить его — в людях... А для меня — воскрес ли Он? Нет! И не по Его же вине!

Я не знаю, когда началось новое чувство

// л. 5 об.

5 мая.

Началось это чувство на последних рефератах; ярким огоньком вспыхнуло оно на страстной и пасхе, когда прощался я с Курсами¹⁹, потом прошло; а теперь, с экзамена 2 мая, горит снова. Веселовский говорил, что Н. Н. «устала», разочаровывается в²⁰ своей деятельности. Мне стало так жаль её, так захотелось утешить, что я привёл в исполнение мою мечту: оставил на Курсах ей²¹ свою брошюру и письмо:

«Гл[убокоуважаемая] Н[адежда] Н[иколаевна]! Теперь, когда окончились всякие между нами обязательные отношения, я позволяю себе обратиться к Вам, и к[а]к преподаватель Курсов и к[ак] человек, их любящий, с глубокою благодарностью

¹⁹ Высшие женские (Бестужевские) курсы (Митрофанов В. В. С. Ф. Платонов на Высших женских (Бестужевских) курсах// История Петербурга. 2008. № 6(46) С. 14–19).

²⁰ Далее *жизни* зачеркнуто.

²¹ Далее *книгу* зачёркнуто.

за семинарий. Наши практические работы могли осуществиться, по моему мнению, не столько моей инициативой, сколько тем // л. 6 вниманием и близким участием, с каким Вы отнеслись к их организации. Ваша деятельность в этом отношении — я глубоко в этом уверен — заслуживает ни одной моей благодарности; свою же благодарность я считаю своим долгом высказать. Позволю себе присоединить с ней и самые искренние Вам пожелания всего лучшего во всей дальнейшей Вашей деятельности и на Курсах, и в жизни. Как знак глубокого уважения моего к этой деятельности (она ведь проявляется и теперь очень определённо), очень прошу Вас принять первый научный труд Вашего бывшего преподавателя!

Оставил я это у швейцара, да боязно стало, а что если она оскорбится? Это ведь такой человек, к[ото]рого понять и с к[ото]рым сладить очень и очень трудно. А ведь, правду говоря, для меня // л. 6 об. это письмо — первая попытка знакомства. Неужели, однако, я серьёзно увлечен ею? Боже мой, Боже, какой я странный человек: чем дальше, тем хуже я становлюсь. Что за детские любви в 23 года, а действуют на меня эти любви. То-то дон Жуан: от одной к другой, «духовной жаждой томим», влачуся. И вдруг заварится знакомство! Ведь завязалось же оно в первом увлечении нынешней зимы.

11 мая.

Она, очевидно, получила моё письмо и вчера два раза была, но не застала меня дома. Хотела написать мне, но я ничего не получил, а сегодня она уехала. Я чувствую, что люблю её.

// л. 7

24 сентября.

Я люблю её вполне. Все мои досуги посвящены мечте о ней, моё сердце физически болит при виде её; я её ухитрюсь ревновать к М-ву. Чем ближе шло дело к началу лекций, тем сильнее я волновался. В первый раз я увидел её 13-го, говорили о семинарии на эту зиму, и я просил её зайти. Она была 15-го, взяла темы и благодарила за весеннее письмо, говорила, что она подобно не заслуживает. Я просил позволения остаться при своём мнении. Хорошей беседы не вышло. 18-го встретились с ней у Бестужева и болтали больше часу о Москве. Она была мила и заслужила даже похвалы Козеки²². Сей философ даже посоветовал мне беречься: «держитесь, чтобы

²² Козеко Иван Алексеевич (1854 — не ранее 1903) — российский педагог, историк и библиограф. В 1882–1887 гг., по рекомендации Бестужева-Рюмина, преподавал русскую историю на ВЖ(Б)К.

не увлечься!» И как это серьёзно говорилось, Боже мой! Я думаю всё-таки, что я не такой, жить как она? Но если бы не жениться. А если мне // л. 7 об. придётся жениться мимо её?! Лучше совсем не женюсь, если эта уйдёт из рук, так мне представляется сию минуту. А что, если и тут удача, как и во всём прочем? Если и здесь не сорвётся?! Но имею ли я нравственное «право» на удачу, достоин ли её? Не завянет ли со мною этот прекрасный цветок? Можно ли даже искать здесь удачи? Не уйти ли и не дать ли места другому? Sapienti sat²³.

Сегодня она желала только не при народе говорить со мной о деле и вошла в профессорскую только тогда, когда Старова ей сказала, что я один. До того за час говорила при всех с Каринским. Что это значит?

А как я её разглядывал и какие у неё глаза! Как мне хочется её видеть!

Неужели всё это называется любовью и с этого топятся est etc.?

// л. 8

3 окт[ября] 12 ч. 40 м.

Последние дни я всё думал: можно ли считать мои волнения от Ш-ой любовью? Не есть ли это просто головное раздражение. Сижу сегодня и нахожу в книге билет из носимой папиросной коробки... Читаю содержание и поражён... (Возбуждённое чувство ведь суеверие!). «Никогда не сочтёшь себя богатым, если будешь копить золото в уровень своими желаниями». И в самом деле, какой любви ещё мне нужно? И так, действовать» Писать ей? Нет — жутко.

Я просто изнемогаю в борьбе, сержусь и мечтаю, к[а]к мальчишка.

14 октября.

Я до того привык к мысли (буквально так), что я её люблю, что моя мечта идёт к деталям будущего — далее стоящего за объяснением с ней. Я думаю о ней совсем спокойно, я с любопытством // л. 8 об. рассматривал её и её длинные руки на реферате. 10-го октября; я полон сознанием, что если отнять у меня возможность думать о ней и надеяться в этом деле на счастье, то я потеряю очень много.

Я твёрдо решил написать ей письмо по окончании рефератов. Если бы мне с ней познакомиться и не написать, а сказать.

16 октября.

Как *fatum* тяготееет надо мной моё чувство — непрерывное, ежеминутное, чувство! Вчера я её

²³ Мудрого достаточно (лат.).

глупо ревновал на вступительной лекции. Сегодня еду к Б[естужеву]-Р[юмину], надеясь видеть там её. Я не знаю, когда и что я ей скажу. Но у меня такая решимость сказать ей, что я скажу рано, или поздно. Всё это — очень, очень глупо.

// л. 9

1884 24/X. СПб.

Гл[убокоуважаемая] Н[адежда] Н[иколаевна].

Не имел случая переговорить с Вами сегодня, глубокоуважаемая Надежда Николаевна, решаюсь написать Вам несколько слов относительно хода рефератов. Мне говорят о том, что авторы последующих рефератов не имеют возможности работать ускоренно и поэтому рефераты не могут идти еженедельно. Сам я вижу, что покуда рефераты по исполнению стоят ниже сил и способностей их авторов; не имея никаких оснований подозревать таких прекрасных работниц, как Сотникова и Леонтьева, в недобросовестности, я приписываю неудачные стороны их сочинений именно недостатку времени и спешности труда. Поэтому у меня нет никакой решимости торопить участниц семинария в их работах. И сам я, говоря правду, до половины // л. 9 об. ноября завален делом свыше всяких сил и мне трудно следить как должно за работами слушательниц.

А между тем спешить нужно: у меня ещё несколько лекций II курсу предположено на февраль и март. Хотя я и надеюсь для этих лекций найти другой день, кроме среды, если бы семинарий затянулся почему либо, то среда всё-таки желательнее других дней. Да если бы не грозило и этого неудобства, всё-таки следует лучше сговориться о порядке дальнейших чтений: они у нас выходят несколько случайными — вещь нежелательная. Вот за этим то я и обращаюсь к Вам: нельзя ли заранее определить дни чтений: ускорить их в тех случаях, когда позволительно ускорить: нельзя ли заменить среды, пропадающие в сентябре другим днём? Наконец не найдут ли // л. 10 участницы семинария каких-либо упущений с моей стороны? Если да, то сообщите откровенно: ведь это послужит только к пользе дела.

Со своей стороны, я предполагаю следующие «нововведения»: во 1-х, желательно было бы, чтобы референтка, прежде чем писать работу, сообщила мне выработанный ею план для совместного обсуждения его удобств; словесное сообщение не отнимает много времени; а во 2-х в заключение каждого чтения и разговоров я буду давать резюме всей беседы на той же лекции.

Очень был бы я рад, если бы Вы нашли возможность поделиться со мною Вашими впечатлениями и предположениями тем способом, каким найдёте для себя удобнее. Обращаюсь же теперь именно к Вам, ибо и этот год Вы стоите в центре семинария. Ваш покорный слуга. С. Платонов.

// л. 11

26 окт[ября]

С 16 окт[ября] и до вчерашнего дня — полоса разочарования. Разговор с Амактовой у Бестуж[ева] вдруг спугнул моё чувство, но не содержанием, хотя Ам[актова] показывала слабые стороны Ш[амониной] Почему то я вдруг перестал верить и в свою любовь и в Ш[амонин]у. 24 был реферат Леонтьевой, и Ш[амонина] на нём возбуждала во мне чувство вражды — безотчётной. Но в тот же день я писал Ш[амониной] прилагаемое письмо и вчера по поводу письма она пришла ко мне — к[а]к хороша была. Её тон был мне приятен.

Положительно, я её раб, или вернее раб чувства.

Что значит её фраза: к профессорам неловко подходить, а к некоторым в особенности?

// л. 11 об.

12 ноября.

На реферате Леонтьевой Бестужев сгруппировался. Я не желал смолчать и думал на реферате Карав[аевой] (7-го ноября) защищать свою постановку второй темы. Об этом знала Карав[аева], передала Ш[амониной], а эта 5-го пришла между лекциями в профессорскую объясняться. Много хорошего она сказала («Ведь Вы знаете, к[а]к она к Вам относится» и пр.) и я раздумал говорить 7-го. Но в этой замечательной беседе — сердце моё почти молчало. Заговорило оно вечером, но не всецело от Ш[амониной].

7-го Ш[амонина] возражала Карав[аевой]. Неудачно (Хронографы) и несколько плутуя словами старалась «отступить с честью». Эта уловка показывает, что она может плутовать, идти не прямым путём, но как она мне в эту минуту проявилась.

// л. 12 5-го, когда я возвращался с лекций, меня догнала М и я её проводил до дому. Близкое общение с двумя последними пассиями меня совсем разбило на весь вечер. Являлся вопрос: которая из двух? Но как он мог явиться? Разве есть сомнение, которая. Конечно Ш[амонина].

14 ноября

Пора кончить мою комедию. Я её не люблю. Я никого не люблю.

26 ноября.

Да, я никого не люблю! И глупость такого положения испытал на балу в ночь с 25-го на 26-го.

М. сделала мне признание косвенно — тремя вопросами: был ли я в кого-нибудь влюблён? Можно ли выйти за старого человека к к[ото]рому относишься безразлично? Какая цель в жизни, если в 19 лет её не нашли и никого не люби-ли? Первые // л. 12 об. два вопроса сделаны были от лица «подруги», но ясно, что это её вопросы. Как она волновалась! А я — я не пошел ей навстречу. Боже мой, да, когда я этого не могу сделать! Нужно уж не быть подлецом хоть в этих делах! Бедная, мне было её так жаль.

А что если она говорила от другого лица? Всё-таки её жаль. В таком случае, всё-таки кто-то из них мною увлёкся.

А я — да разве я могу жениться! А Ш[амонина] «потускнула»: где нам дуракам чай пить.

5 декабря.

Эти полторы недели — ужасные недели. Я помешался от 25-го. Силой чёрт её знает какой логики я почувствовал необходимость написать М. письмо с вопросом: бывать у них или нет?

Разве я мог не поставить этого вопроса // л. 13 в том предположении, что она могла увлечься мною! Я был у них 29-го (чёрт принёс Корш). 30-го (она была больна), наконец 2-го днём (её не было дома), и всё не мог отдать письма. Поэтому приписал к нему другое — и сегодня нечаянно удалось отдать на Курсах.

В 5 ч., когда я обедал мать на звонок отперла дверь и подала мне письмо — от М. Она писала, что ждёт меня «внизу». И действительно ждала — на лестнице. Дома я сказал, что иду на Курсы: она сказала то же!

Около часу ходили мы по улицам и объясняли всё происшедшее. И договорились... 3-го я думал, что окончательно принадлежу ей и решил прямо сказать ей о браке. Сегодня опять Ш[амонина] заколдовала меня, опять заговорила, опять я стал ничей. На моё горе существует эта Ш[амонина]! И конечно я не мог сказать М о браке.

Но я так настрадался, что мне // л. 13 об. было всё равно, что из этого выйдет, что будут думать и, может быть говорить. Я прямо сказал М., что я люблю двух, что я раб Ш[амониной], когда она около меня, и что другая — она сама. Хотя слово: люблю заменялось словом увлекаюсь, тем не менее эффект был большой. М. остановилась, поглядела на меня — и я никогда не забуду её глаз в ту минуту. В голосе её потом слышны были слёзы: но, по счастью, если верить её словам,

она мною не увлечена: она просила меня бывать, потому что²⁴ ей нравится, когда я у них бываю. Хлопотала же она 25-го о Корш, к[ото]рую кто-то прочит за меня (Одолжили!)

Всё это бесконечно глупо. Но покуда совесть моя чиста: я не стыжусь ни одного моего слова и глубоко этим доволен. Бог знает, чем это всё // л. 14 кончится. Ш[амонину] я просил посещать меня и передать это приглашение другим. Она сочувственно это встретила. Если только в понедельник она будет, я ей прямо скажу, какую роль приходится ей играть в моей жизни. Мне всё равно.

Которая из двух?

Одна очень молода: с хорошими задатками, без определённой нравственной личности, только не «Поза», балованный эллин, любящий роскошь, но милая, но милая безотчётно натура.

Другая — вся в духе, в идее, громадные душевные силы; хороший критический ум; идеалистическая философия и ясный практический смысл. Тоже не Поза, с лукавством и долей зла; кажется, эллин, но чистой, глубоко образованной.

// л. 14 об. И за всем этим какая Женщина светиться!

Которая же из двух? Которая?

½ часа позже.

Перечитал эту тетрадь. Она не полна. Это хронология, а не история. Вспомнил одну частность. Вскоре после 25-го шёл я по каналу (Екат[ерининскому]) около церкви вознесения и слышал такую беседу мужичья. «Вот и барин скажет» — показывая на меня, говорил мужик: — «человек завистлив; всё у него есть, — нет, тянется за новым, хватает, бежит, упадёт — и то руку протягивает — норовит схватить».

Умные слова прилились мне в странную минуту, в виде отрицательного ответа, в тот миг, когда я думал, что мне делать между Ш[амониной] и М. Я не мистик, но какое совпадение мужичьей // л. 15 мысли и прежнего мистического совета случая о «собираании богатства в уровень с желаниями». Что сие значит?

29-го отдал я М. свои стихи. Сегодня она мне сказала, что в них её что-то поразило. Но что не удалось узнать.

Относительно Ш[амониной]: любопытны последние с нею разговоры. Она ничего не знает, по её словам. Она теперь со мной иным тоном: доверчиво. С её ошибки на реферате Караваяевой, после её плутни, я смотрю на неё уже не снизу-

²⁴ Далее *любит* зачеркнуто.

вверх, к[а]к было прежде. Не знаю, почему это случилось, но это приятно.

В данный момент (5/ХІІ/ 8 ч. 40 м.) я чувствую, что я не люблю ни той, ни другой. Что же прикажите делать при таких колебаниях чувства!

9 декабря. Вечер.

В пятницу, 7-го, получил через прислугу письмо от М с просьбой // л. 15 объяснений: слушали её противоречивые отзывы, мои о Ш[амониной]. В письме она определённо говорила об отсутствии чего-либо исключительного в чувстве ко мне. Я объяснил противоречия свои, изложил историю всего курса, указал на то, что я вызван был на откровенность её любопытством, что это измена тонкости чувства, и заключил тем, что отнял всякое почти значение у моего чувства к ней, обещая бывать по-старому у них. Привожу здесь схему моего объяснения:

Увлечения равны: они ведут

М	Ш
К	К
спокойному	страсти
чувству	положит[ельной]
	или отриц[ательной]

(Спок[ойное] чувство равно любви или дружбе).

Вчера отнёс письмо с дополнениями теоретическими (о различии специальностей). Не совсем то ловко было смотреть на неё. Она ждёт во вторник.

— Я никого теперь не люблю.

//л. 16.

15 декабря.

Была во вторник. Не смущаясь провёл вечер, играл в шахматы ест с ней. Словом, по-старому. В душе всё постыдно молчало.

Зачем я живу? Кругом развалины планов, ума, физических сил, чувства, всякого добра.

Стою перед двумя девушками, не в силах любить ни одной, не в силах отстать от них; не в силах жить честно, не в силах работать, стремиться к идеалу... Зачем жить?!

А как тянет выпалить всё это Ш, выпалить даже безо всяких надежд тянет! А если ей говорить, то говорить уже до Рождества: потом поздно.

Какое подлое ко мне отношение Б.!!!

19-го д[е]к[а]б[р]я].

Совершилось! В субботу 15-го хоронили Дабижа²⁵ и реферат Кильдюшевской не мог состоять-

²⁵ Дабижа Мария Михайловна — ученица и ассистент профессора В. Г. Васильевского, умерла в 1884 г. от диабета (Пушкарёва Н. Л., Секенова О. И. Препод-

ся. Я не знал этого и немного ранее срока пошёл на курсы узнать т[а]к к[а]к мне о реферате не давали известий. Там оказалось // л. 16об., что мы разошлись с Ш., что она в это время у меня с известием, что реферата не будет. Я нанимаю извозчика, лечу домой без памяти и застаю её — под воротами. Произошёл хороший разговор, между прочим о понедельниках. После этого разговора я понял, что люблю Ш., что любил её. Явилась потребность написать её это. Когда в понедельник я видел её мельком, это решение созрело. Ночью во вторник написал я глупое письмо, робкое, как моё чувство, и во вторник решил не слать его. Пока я думал к[а]к лучше написать, сегодня явилось известие о проклятом Бейруте. Я сошёл с ума, наговорил ей на Курсах много резкого о Бестужева, и о многом другом. Всего не помню. Бутлеров добродушно²⁶ // л. 19 подсмеялся, говоря: «посмотрел я на вас и мне стало²⁷ жалко: Вы, бедняжка целый час стояли». Главная мысль моя была: едет — значит не любит, главное чувство — вражда к Бест[ужева] и тем, кто её шлёт туда. В бреду каком то, усталый, измученный, настроил я письмо, кажется, бестолковое и понёс его ей на Введенскую. У дверей встретил я старушку, отдал ей это письмо и пустился бежать...

Завтра она едет. Что-то будет?!

Alea jact.

// л. 17

17/ХІІ 84

Надежда Николаевна! Сознаюсь, что моё письмо совсем бестактно, совсем непозволительная слабость. Сознаюсь, что должен был бы молчать, что

Уж если говорить, то честнее было бы сказать Вам всё устно, но не писать. И, однако, — пишу: говорить с Вами по обстановке неудобно, а молчать нет сил.

Неужели мне до сих пор удастся скрыть от Вас своё отношение к Вам? Это отношение давно ненормально. Говорю — откровенно, что я Вами увлечён, что Вы (неволью, конечно) заставили меня забыть дорогую прежде девушку и стать к Вам и к ней в тяжёлое положение. Окончательно потеряв то чувство, какое имел я боюсь назвать новое своё к Вам чувство любовью: слишком мало я с Вами знаком (это не значит, что я Вас

давательницы Бестужева женских курсов как феномен российской эмансипации второй половины XIX — начала XX в. // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 305.)

²⁶ Продолжение. Л. 19.

²⁷ Далее *совестно* зачеркнуто.

мало знаю) и слишком тяжело бы было называть любовью то, чему не суждено, я чувствую, найти правильное название и завершится так, как хочется чувству через // л. 17об. несколько месяцев Вы оставите навсегда Петербург, и то впечатление, которое Вы на меня произвели; должно исчезнуть мало-помалу или составить несчастье многих моих лет, если не всей жизни. Не думаю, чтобы случилось первое, особенно, если к полученным уже от Вас впечатлениям прибавятся до весны новые и новые: от этого только окрепнет впечатление и больше тяжести будет впереди.

А мне и теперь так трудно: желание ближе узнать Вас постоянно спорит с желанием уйти от Вас, победить себя. Но последнего я не могу и чем далее, тем более и более не могу. Душевно я расстроен в конец. Вот почему, я и не прошу Вас этим письмом: уйдите Вы от меня. Другого просить не имею внешних оснований, а терпеть до весны, до Вашего отъезда нет во мне мужества, не хватит духа.

Жить и так тяжело во многих отношениях. «Наука страсти нежной не может составить // л. 18 всего интереса пролетария: если она привходит тяжёлой гостьей в круг его забот и труда, этот труд терпит и очень терпит, а останавливаться или терять энергию он не может, ибо у нашего брата он обязанность и необходимость. Впрочем, всё это Вы знаете.

Объективно смотря на дело, Вам нужно относительно меня или совсем уйти, или совсем прийти. Вы, конечно поймёте, что нужно сделать, чтобы уйти: это значит не говорить со мной. Но ради Бога спорьте на рефератах; ради Бога, пишите 117-ю тему. Этого я готов даже требовать, если Вы признаёте за мной такое право. Это не повредит личному делу, а я не хочу, чтобы личное дело вредило общему. Если в течение недели со дня получения Вами этого письма, не будет от Вас ответа, я буду думать, что Вы поняли мою просьбу, признали её основательной во всех частях и хотите исполнить.

// л. 18 об. Это моё письмо отдаёт меня в Ваши руки. Но я так в Вас верю, что подписываюсь вполне и твёрдо убежден, что кроме Вас да меня о письме по всем содержанию никто не будет знать. С. Платонов.

PS. Писал я наскоро и тем, что написал, не совсем доволен. Мне думается, что в такой форме просьба моя может произвести на Вас впечатление маневра. Но, право, я искренен. Разве я имею данные идти к Вам с иной просьбой? Разве я пошёл бы к Вам с просьбой, имея силы не пойти?

// л. 19

21 декабря.

Вчера утром она пришла взволнованная, сказала, что хотела быть «вчера вечером», что «ни к кому» (первая буква к зачеркнута), она так хорошо не относится, к[а]к ко мне, но... она, право, не знает... etc. est. Прямой смысл её слов лишил меня всякой // л. 19 об. надежды, а факт её прихода, её глаза, всё поведение — давало мне эту надежду. Мне хотелось броситься и зацеловать её, да остановила мысль, что от такого поступка — вспышку своей симпатии она сможет принять за появление чувства и сказать мне «да» под влиянием секунды, а затем раскисаться. Она объявила, что в Б. не поедет, и мы простились, прося друг у друга прощения. Мы оба чувствовали себя виноватыми, но таким был я один. Она обещала писать мне. Что-то будет, что-то будет! Всё это как глупо и меня выходит.

Это происходило в 10-м часу. Через ¼ ч. после ухода её, я пошёл в гимназию, но с дороги взял извозчика и помчался догонять её, чтобы сказать ей, что всё кончено, т[а]к к[а]к она сразу // л. 20 не ответила мне: да. Конечно, я не догнал, не нашёл её. Извозчик примчал меня к Спасителю. Я вошёл в часовню, не мог молиться, как и всегда, вышел — и, не знаю почему, вспомнил, что нужно взять у М.А.Д. Библ[иотеку] для чтения; заехал, взял и полетел в гимназию, где искренно уверял Яшу, что мне везде чертовски везёт. Потом явилась во мне мысль ехать на станцию в 12 ч. 30 м., но я побоялся её провожатых и не поехал. В Петр[овском] Уч[илище] я сделал доброе дело — отнесся к классу с небывалой прямоотой и повлиял на класс, причём образ её предо мной, воодушевлял меня.

Что-то будет? Самая смелая надежда сменяется во мне новым отчаянием; то я рад за то, что сделано 10-го, то мне жаль её. Я ведь // л. 20 об. измучил её!

Сегодня вечер. Был я у М. Она что-то странное говорила по поводу «Дыма».

25-го скажу ей, что нет у меня более аналогии с «Дымом», что я отпет и погиб иди же я торжествую, почто я для себя теперь ясен.

Бейрут моментально показала мне, чей я раб, именно раб.

22 Де[ка]б[ря] 1 час ночи.

Сегодня были чудные минуты. Мне почему-то казалось, что она не пришлёт мне отказа, что она меня любит. Я весь светился от этой мысли, я так спокойно был рад!

Вчера, сегодня (сегодня даже два раза), завтра, 25-го буду я видеть и видел М., — и ничего! При мысли о Ш[амониной] эта // л. 21 бесследно уходят из памяти.

А если отказ?

23-го де[ка]б[ря]

Какой сегодня мучительный день: то мне кажется, что я её не люблю и легкомысленна, то я уверен, что получу её отказ.

Довольно долго пробыл с М на базаре, — и ничего! Относительно её, — всё кончено.

12 ч. ночи.

Мне не верится, что действительно было то, что было. Бейрут, письмо и утро четверга. Память восстанавливает с каким-то удивлением её слова, жесты, её глаза, в которых было столько страдания, муки, в которых стоял какой-то вопрос; её замешательство, её слова («Нет, Вы меня простите». «Мне всё кажется, что я чем-то виновата против Вас»). Смел ли я писать ей? Смел ли говорить о любви? Не слабодушный ли я мерзвец? Что она // л. 21об. думает, что она делает, что она мне, бедная, напишет? Если — да, то до Нового года я лечу в Москву. Неужели и первое счастье любви, как когда-то первые лучи развития, даёт мне та же Москва? Или же новое не счастье к[а]к старым бедам? Боже, поскорее бы всё кончилось, так или иначе, только бы кончилось. А то какая мука!

Сегодня я много болтал о Бейрут М. А. Д. От него узнал, что она после разговора в среду говорила подругам, что ей «все надоели Бейрутом». У меня дрянной язык, я это очень и очень чувствую в последнее время. Только о любви моей никому... Впрочем, мать знает.

24 д[е]к[а]б[ря] 7 ч. веч[ера].

Я не знаю, что делать, если так // л. 22 будет завтра и т. д. Кажется, я уеду в Москву до нового года. Как я ждал сегодня письма: их носят в 6 часов, а теперь уже семь! Неужели, эта мука будет долгой.

Как мог я, не понимаю, сомневаться, кого я люблю; как мог серьёзно говорить с М.? Как мог не сообразить такой вещи, что влияние Ш[амониной] поддерживали во мне редкими, деловыми беседами, а М. я видел часто, в атмосфере бала самой увлекающей атмосферы, в нарядах, в долгие вечера бесед — и несмотря на это их влияния боролись: Ш[амонина] не уступала М-ой. Как мог я не догадаться и до Бейрута, «которая из двух? Стыдно. А ведь и она, я думаю, не спокойна. Хороший отдых создал я и себе и ей. Мне поделом, а ей безвинно тяжело! Кажется,

я, к[а]к человек, глуп, глупее себя, как педагога.

// л. 22 об.

24/ХІІ

Да что же это такое? Со мной начинается какая-то пытка. Страх за отказ, страх от её молчания, что я не хозяин своих мыслей и поступков.

Прочитал я Тургеневский Дым. Много там хорошего, но он меня так расстроил, что я пожалел, зачем прочитал. Литвинов — натура сильная и то попал на дорогу с каким страданием, как близок был к падению.

Что же мне сулит будущее слабому, живущему порывом?

С негодованием вспоминаю я те недавние еще минуты, когда я уклонился от Ш[амониной] к М., как подло подползла ко мне мысль: Ш[амонина] далека, к ней нельзя подойти, «где нам дуракам чай // л. 23 пить»; М. ближе, моложе, мягче, отольётся в мои формы; она красива, очень мила, с меня довольно... 25 н[оя]б[ря] разрушило эту подлость, Бейрут поднял старую идею: нужно просить больше, больше получишь, надо быть дерзким. Но есть ли во мне, силы, оправдывающие такую дерзость запроса, что мог бы я дать Ш[амониной]. Я сознаю, что есть во мне задор, но есть и бессилие, и в такие минуты я хочу, чтобы она прислала мне отказ. До сих пор у меня дух захватывало от той постоянной удачи, какую давала мне жизнь. Ни к чему я не имел препятствий, никогда не терпел неудачи и кары. Что же будет удивительного, если здесь потерплю неудачу, понесу кару за мой дерзкий задор. В одном оправданье: я действительно люблю; во всём (кроме разве лет моих и опыта) могу я повторить слова Литви // л. 23 об. нова в письме его к Ирине. «Не мальчик в порыве минутного восторга лепечет перед тобою необдуманные клятвы, а человек уже испытанный летами — просто и прямо, чуть не с ужасом, высказывает то, что он признал несомненной правдой»²⁸. С ужасом сознал я (в те минуты, как Кильд. шептала свой реферат), что неизбежно для меня признание. Говоря потом с Ш[амониной], я знал, что наверно буду писать ей о любви, что иначе для меня нельзя; жить будет нечем, если её совсем не будет, что мне не дотянуть дела до весны, к[а]к надеялся я с 12–13 декабря...

Я не жалею, что высказался: или счастье или отчаяние, — я готов на всё. Эпизод моего увлечения Ш[амониной] — роковой эпизод, потому, что

²⁸ Заканчивается этот фрагмент фразой: «Да, любовь твоя всё для меня заменила — всё, всё!» Из произведения И. С. Тургенева «Дым».

это страсть: от неё дешево не уйдёшь, а я и уходить не хочу, чтобы Вы, Надежда Николаевна, мне не сказали.

// л. 24 У меня традиция на святках мысленно и благодушно сводить итоги года удаётся в воспоминаниях. Неправда-ли, я теперь тоже благодушно роюсь в себе? Неправда ли итоги можно свести, результат года ясен? А может быть к концу года и действительно подведётся итог не только году, но и жизни. При повторном повороте обстоятельств какую она имеет цену?

1 ч ночи. 25 декабря.

Сегодня глупый день: все толпились пошлые люди, говорились пошлые речи. Мысль о Ш[амониной] удерживала меня не раз от злобы и пошлостей.

Нельзя сказать того же про вечер. Говорил с М., сказали ей, что с обоими увлечениями конечно (разве я не прав, одно из них — О, другое — уже не увлечение). Она же открыла мне, что за это время в // л. 24 об. ней явилась любовь к артиллеристу-болгарину, след к[ото]рого она потеряла год тому назад. Не верится, чтобы это была любовь. Эпидемия, просто, на арабов, да на Инсаровых!

С каким одушевлением бросился я на звонок почтальона сегодня в 6 часов и как холодно проскользнула весть об этом Инсарове. Жаль только, что в одной моей истории, я оказываюсь Берсенёвым²⁹. Что, если это случится в другой, уже настоящей истории с Ш[амониной]. Тогда чёрт со мной, только всё уже мне математические фигуры не будут сниться! Шалишь! Однако, надо перестать мучиться. Любовь-Любовью, а³⁰

Силы и воля нужны мне для вас инаго!.. Что же ты ничего не пишешь, милый мой палач? Ведь не бесконечны же мои силы и воля! Пощади!

// л. 25

С 27 на 28 декабря. 3 ч. ночи.

Два позорных дня! 26-го я танцевал с моими ученицами у Н[ейгар]дт, 27-го у Репиных ... Правда, сегодня не позорный день: 25-го я «побоялся» записать, что мне казалось тогда, казалось и 26-го. Мне казалось, что я подлец, что я признался в любви, не имея настоящей любви, что образ её тускнеет у меня в сердце. Но сегодня — я понял, что нет, я понял, что я действительно люблю. Необъяснимое, сладкое и мучительное чув-

²⁹ Речь идёт о литературных персонажах романа И. С. Тургенева «Накануне» — Инсарове, прототипом которого был болгарин — Катранов и главным героем Берсенёве — выпускнике университета.

³⁰ Фраза не завершена.

ство охватывало меня со страшною силою, когда я вспоминал её, её редкие по выражению глаза — эти чудесные глубокие глаза, в к[ото]рых столько правды и жизни, её улыбку, детски приветливую, детски искреннюю, редкий тембр её голоса, ужимку губ и морщинки у глаз во время смеха, её узкие длинные руки, рабочие руки и всю // л. 25 об. всю её с её умом и непосредственностью! Звучали её некоторые фразы в моих ушах, воспоминание тянется и теперь во мне, и я чувствую, что я бесповоротно её раб, раб на всю жизнь. Если бы и развела нас судьба, если бы и явился новый человек, за к[ото]рым я готов был идти, то, клянусь, образ Ш. и тогда останется святыней моего внутреннего мира. Я её люблю. Я даже не влюблён, я люблю — и сердцем и умом. Амен, как говорили благочестивые рабы божьи. И вдруг — отказ? Мне, кажется, и после отказа я способен буду искать её, убеждать и просить её, Я люблю.

29-го декабря.

Сомнению нет места: я люблю её, я болен этой любовью, я не знаю, до чего это дойдёт. Мои экзамены идут к чёрту, мне нет отдыха, нет покоя.

// л. 26

30 декабря, утро.

Что это значит, что она не пишет? Я не могу объяснить себе этого иначе, как только тем, что в ней нет любви, но, жалея меня, она её ищет и не находит; написать же отказ, жалко причинить мне боль. Когда я начинаю думать об этом, мне так нехорошо, что я впадаю в полную хандру. Но с другой стороны, я мучусь и своим смелым поступком. Зачем я её сказал о себе? Это вышло эгоистически и самонадеянно, словом нехорошо. Нужно было крепиться, ждать и явиться совсем накануне проклятого Бейрута. Моё бы дело от этого не проиграло. Я же был в состоянии какого-то тупого экстаза и не сознавал того, что делал (в этом, быть может, скажут иные, моё извинение). Я не сознавал даже, что я делаю, в тот момент, когда звонил у её двери, когда отдавал старушке своё письмо. Во всем этом казусе мною распоряжалась как будто стихийная сила, но отнюдь // л. 26 об. не разумная воля. Об этом странно даже вспоминать мне: я не понимаю себя.

Другая сторона дела: гадко навязывать себя, больного, неразвитого, необразованного человека здоровой, деятельной, живой и чистой душе. Что я могу дать ей? Ведь на всю жизнь я буду ей задержкой, тормозом! Об этом подумать, страшно делается за свою подлость. Я знаю, правда, что я — сила в петербургском мире историков, я знаю

это, но я знаю и то, что я далеко не симпатичная, чистая сила, я знаю, что я внешний человек, человек компромисса. Такого ли ей нужно человека? Таким ли должна увлечься чистая её душа? Нет, дай бог, чтобы она додумалась до отказа. Если это будет тяжело моему сердцу, то облегчит мою совесть.

Вообще вся эта история ставит меня в такие противоречия, что я не могу владеть собой. Я бросаюсь всюду, лица рассеянные и не могу забыть ни в забаве, ни в деле. Дорого // л. 27 бы я дал, что всё это случилось позднее.

30 Де[ка]б[ря], вечер.

Итак... приходится ехать в Москву, без знания того, что делать. Как это тяжело: я иначе и не представлял себе, что перед Москвой всё станет ясно, любит она, или нет. И до сих пор нет письма! Неужели же она ждёт моего приезда, или написала по Московскому адресу?

31 де[ка]б[ря] 1884.

11 ч. вечера.

Год кончается и тетрадь кончается... случайность интересная. Пускай с годом и тетрадью окончится и тяжёлый период в жизни моего сердца. Печальна его история. Оно стало чувствовать рано: я любил уже 14 лет и весёлые глазки Тили волновали сердце очень сильно. Потом много других глазок его волновали: ни одни не посмо-

трели на него ласково. На его беду и увлекаться ему приходилось на виду, среди больших дураков // л. 27 об. и грубых людей. Но сердце рано выросло, рано привыкло к скепсису ума, рано привыкло не делать себе воли и рано развратилось. С 18 лет я уже не увлекался долее, как на один вечер, или сутки. Наступила тьма в сердце, а ум начал развиваться. Суше, печальнее становилась жизнь: она приобретала деловой характер. Чувство обратилось на себя: гамлетовщина развивалась, само себя сердце грызло и замолчало наконец. Два разных человека высказали мне, что у меня всякое чувство переходит через голову, что я рассудочен.

Но теперь... теперь я рад сказать им; я имею право сказать им, что они врут. Все мои дела против рассудка, пошли к чёрту. Я люблю, я не могу сдерживать себя, хотя рассудок против любви, вернее, против взаимности, я люблю.

Правда, я много страдаю и не мог я до сих пор представить себе, чтобы это чувство заставляло так глупо страдать.

// л. 28

12 ч. ночи.

Сердце разрывается на части. Слезами встретил я в первый раз новый год! Тяжело!

Мать молитвой встретила 12 часов. Я знаю: — она молилась о моей женитьбе.

Список литературы

1. Митрофанов В. В. «...мы будем совсем, совсем счастливы»: взаимная переписка Н. Н. и С. Ф. Платоновых (1884–1886 гг.) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2025 (6). Т. 6, вып. 2. С. 101–139.
2. Митрофанов В. В. Дневниковые записки С. Ф. Платонова (9 сентября — 8 ноября 1879 г.): «не знаю уцелеет ли эта для потомства». Часть 7 // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10, вып. 2. С. 62–80. URL: <http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/42-magistravitae-2-2025.html> <https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-2-62-80>.
3. Митрофанов В. В. Письма В. Г. Васильевского С. Ф. Платонову по редакторским вопросам «ЖМНП» (декабрь 1890 — 20 сентября 1893 г.) // Вестник «Альянс-Архео». М. ; СПб. : Альянс-Архео. 2024. Вып. 47. С. 138–216. С. 147.
4. Митрофанов В. В. Письма Е. Н. Калайдович (Беркут) С. Ф. Платонову 1879–1880 гг.: «...оставайтесь всегда преданным другом...» // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2021 (а). № 2. С. 137–157. URL: <https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/28-zhurnal-magistravitae-2-2021.html>
5. Митрофанов В. В. Театральные заметки. Части III и IV. Сергея Федоровича Платонова // Вестник «Альянс-Архео». М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2021 (6). Вып. 36. С. 82–111.

References

1. Mitrofanov VV. "... we will be very, very happy": mutual correspondence between N. N. and S. F. Platonov (1884–1886). *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of North-Eastern State University*. 2025(b);6(2):101-139. (In Russ.).
2. Mitrofanov VV. Diary Notes by S. F. Platonov (September 9 — November 8, 1879): "I don't Know if

This One will Survive for Posterity”. Part 7. *Magistra Vitae: e`lektronny` j zhurnal po istoricheskim naukam i arxeologii* = *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archeology*. 2025;10(2):62-80. (In Russ.). URL: <http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/42-magistravitae-2-2025.html> <https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-2-62-80>.

3. Mitrofanov VV. Letters from V. G. Vasilyevsky to S. F. Platonov on editorial issues of the ZHMNP (December 1890–20 September 1893). *Vestnik “Al`yans-Arxeo”* = *Bulletin of the Alliance-Archeo*. 2024;47:138-216. (In Russ.).

4. Mitrofanov VV. Letters from E. N. Kalaidovich (Berkut) to S. F. Platonov in 1879–1880: “...always remain a devoted friend...”. *Magistra Vitae: e`lektronny` j zhurnal po istoricheskim naukam i arxeologii* = *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2021(a);2:137-157. (In Russ.). URL: <https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/28-zhurnal-magistra-vitae-2-2021.html>

5. Mitrofanov VV. Theatrical notes. Parts III and IV. Sergei Fedorovich Platonov. *Vestnik “Al`yans-Arxeo”* = *Bulletin of the Alliance-Archeo*. 2021(b);36:82-111. (In Russ.).

Информация об авторе

В. В. Митрофанов — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин; заслуженный работник образования ХМАО — Югры.

Information about the author

V. V. Mitrofanov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines; Honorary Worker of Education of KhMAO — Yugra.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.